

Европейская лингвистическая традиция в сравнении с другими

В. М. Алпатов

*Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: v-alpatov@iling-ran.ru*

Резюме: современная наука о языке непосредственно восходит к европейской лингвистической традиции, окончательно сложившейся в эпоху эллинизма в Александрии. Однако в мире в разное время сформировались и другие традиции: индийская, арабская, китайская, японская, обладавшие многими сходными чертами. Все они, включая европейскую, исходили из того, что «настоящий» язык – один (идея сравнения языков не была развита), язык не изменяется, хотя может портиться, а его изучение нужно для практических нужд, прежде всего, для установления нормы. Долгое время европейская традиция не была наиболее развитой: индийская и арабская фонетики были значительно детальнее, не было полных словарей, в грамматике и лексике выделялась лишь одна единица – слово. Однако с XIII по XVIII в. в Европе произошло три переворота в лингвистической традиции. В XIII–XIV вв. школа модистов начала сочинять философские грамматики, не связанные с практическими нуждами. В XVI–XVII вв. распространилось представление о множественности языков и возможности их сравнения. В XVIII в. появилась идея историзма. Все это привело к тому, что европейская лингвистическая традиция с начала XIX в. стала мировой наукой о языке.

Ключевые слова: Европа; историзм; лингвистическая традиция; наука о языке; норма языка; сравнение языков; язык

Для цитирования: Алпатов В. М. Европейская лингвистическая традиция в сравнении с другими. *Ориенталистика*. 2019;2(4):1009–1020. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1009-1020.

The European linguistic tradition as compared to other traditions

V. M. Alpatov

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: v-alpatov@iling-ran.ru*

Abstract: the modern teaching of language as a cultural and social phenomenon goes back directly to the European linguistic tradition. This tradition was finally

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

shaped in the Hellenistic era in the city of Alexandria. However, other traditions have formed at different times in the world. Among them the Indian, Arabic, Chinese, Japanese, which share many common features. With the exception of the European linguistic tradition, they all had a common starting point. According to it, the «real» language has always been one (the idea of comparing languages has not been developed). This language does not change, although it can be corrupted. Its study is necessary for practical needs, in the first instance, to establish the norms. For a long time, the European tradition was not the most developed. In comparison, Indian and Arabic phonetics were much more detailed. Besides, in the European tradition there were there no complete dictionaries. The grammar dealt with only one category, i.e. the word. However, starting from 13th to 18th cent., the linguistic tradition in Europe underwent three major radical changes. In the 13th–14th centuries the modistae school began to compose philosophical grammars that did not aim any practical needs. In the 16th – 17th cent., was developed the idea of the multiplicity of languages and subsequently the possibility of comparing between them. In the 13th cent., was developed a notion of historicism appeared. All this led to the fact that the European linguistic tradition from the beginning of the 19th cent. became world-wide acknowledged.

Keywords: Europe; historicism; language, its norms; language, teaching about; language, tradition, linguistic

For citation: Alpatov V. M. The European linguistic tradition as compared to other traditions. *Orientalistica*. 2019;2(4):1009–101920. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1009-1020.

Сейчас нередко говорят и пишут о том, что наука – чисто европейская особенность, что за пределами европейской культуры она могла быть только заимствована. Так иногда считают даже лингвисты, хотя как раз в сфере изучения языка особенно очевидно, что это не так: уже известно существование различных лингвистических традиций, складывавшихся у различных народов, во многом независимо друг от друга. О них сейчас написано уже достаточно много, существуют и обобщающие работы (см., например: [1–3]). Тем не менее представляется, что именно европейская традиция в ходе своего развития приобрела ряд черт, отличавших ее от других традиций и в конечном итоге обусловивших ее превращение в мировую науку, посвященную языку. Об этих вопросах автор данной статьи уже писал [4; 5, с. 9–59].

Европейская лингвистическая традиция окончательно сформировалась в период эллинизма, прежде всего в Александрии. Разумеется, и до того греческие ученые рассуждали по вопросам языка, а классификация частей речи появилась уже у Аристотеля, но языкознание еще не было отделено от философии и не существовало систематического исследования конкретного языкового материала. Безусловно, становление этой традиции, как и всех других, было связано с практической необходимостью: в период эллинизма греческий язык стал языком культуры на обширной территории, где для большинства населения он не был мате-

ринским языком. Его надо было учить, а для этого необходимо было его описать. Разработка понятий науки о языке началась у стоиков, а окончательно они были закреплены в Александрии в III–II вв. до н.э. Они четко были выделены в дошедшей до нас грамматике Дионисия Фракийца (II в. до н.э.). По сути, современный школьный учебник русского языка в морфологической части (школьный синтаксис сформировался уже в Средние века) опирается на понятия и термины, существовавшие уже там. Очень скоро, в I в. до н.э., греческая наука о языке переходит в Рим и приспособляется к латинскому языку; первым крупным римским грамматистом был Марк Теренций Варрон. Затем античная традиция сохраняла свои основные черты вплоть до появления «философских грамматик» схоластов в XIII–XIV вв.

Если сравнить античную традицию с другими, то можно отметить немало типологических сходств, из которых отметим, прежде всего, три. Во-первых, все традиции формировались на основе наблюдений над каким-то одним языком: санскритом, классическим арабским, вэньянем в Китае, бунго в Японии; в этом ряду стоит и древнегреческий язык. Такой язык может быть назван языком культуры (термин «литературный язык» скорее характеризует языковые образования более позднего времени, когда подобные языки стали национальными); этот язык не обязательно был материнским языком исследователя, но представлялся ему наиболее престижным. И в начале жизни отдельного человека, и на ранних этапах развития культуры того или иного народа закономерно представление о своем родном языке как единственном человеческом и естественном; у лингвистически не образованного человека такое представление может сохраниться на всю жизнь (см.: [6, с. 6, 20]). Но культурное превосходство данного народа над соседями первоначально могло как раз только усилить такие представления. В полной мере это было свойственно античным грекам, приравнивавшим речь варваров к крикам животных. Это, разумеется, не мешало практически использовать эти языки в случае необходимости, но не допускало их изучения. Впоследствии А. Мейе напишет: «Греки могли наблюдать и описать языки, впоследствии исчезнувшие бесследно или же сильно изменившиеся в дальнейшем... Но у греков не было и мысли о том, что все эти варварские наречия представляли формы... языка, близкого к их языку... Единственным языком, ими изучавшимся, был язык их народа» [7, с. 445]. Многое в античной традиции основывалось на идее о единственности человеческого языка: поиски этимонов, концепция именования «по природе», а не «по установлению», языковая магия и пр. В других традициях можно найти много сходного.

Разумеется, в Риме ситуация была иной. Типологическое сходство классических языков и близость культурной традиции привели к тому,

что там не сложилась какая-то особая традиция изучения языка; можно говорить лишь о латинском варианте европейской традиции, ограничившемся лишь частными модификациями подходов вроде замены артикля на междометие в системе частей речи. И римляне, конечно, не могли считать свой язык единственным, раз существовал греческий. Однако, освоив греческую грамматику, они стали игнорировать и греческий язык, а греки и в римский период игнорировали латинский. Упоминается едва ли не единственная попытка сопоставления двух языков у Макробия (V в. н.э.), признанная неудачной [8, р. 62–63]. После падения Римской империи два варианта европейской традиции окончательно теряют контакты вплоть до эпохи Возрождения.

Во-вторых, все традиции подходили к объекту своего изучения, выражаясь современной терминологией, строго синхронно [9, р. 125]. Ни одной традиции не было свойственно представление об историческом изменении языка. Язык понимался как нечто существующее изначально, во многих традициях как дар высших существ. Хотя в Античности бывали и рационалистические концепции происхождения языка, но все равно казалось, что потом язык уже должен быть неизменен. Тем не менее грамматисты не могли не заметить, что даже язык культуры в чем-то меняется. Язык, на котором говорили и писали в Александрии, уже отличался от языка Гомера. Однако изменения могли трактоваться лишь двояким образом: это либо порча языка (высший дар нельзя развивать, но можно испортить или забыть), либо отражение также исконной неоднородности языка (греки в отличие от игнорируемых языков «чужих» отмечали различия внутри языка «своих», введя понятие диалекта). Чуть ли не во всех традициях наблюдалась любовь к этимологизированию, которая вовсе не означала даже зачатков исторических исследований [10, с. 95]. Этимон существовал и будет существовать всегда, только он был забыт и восстанавливается в ходе исследования. А разговорные диалекты и язык культуры, основанный на более ранней стадии развития какого-либо из этих диалектов, различались только как языковые образования с разной престижностью.

В разных традициях существовала идея о древних текстах как наиболее правильных. Ее, правда, еще не было в Александрии, когда язык культуры не слишком отличался от разговорного (задача во всем подражать Гомеру не ставилась). Но уже в поздней Античности язык авторов эпохи после Августа не считался образцовым и почти не изучался [11, с. 22]. А в эпоху Возрождения (когда традиция уже стала меняться, но пока еще не в этом пункте) распространилась идея: «восстановить латинский язык в его античной классической чистоте» [12, с. 498]. Современная гуманистам латынь, на которой не только писали, но и говорили, была названа «кухонной» и оценивалась низко. Образцом считались тексты «золотого века» (I в. до н.э.): в прозе – Цицерон, в поэзии – Вергилий

и Гораций; о борьбе классической и «кухонной» латыни в XV–XVI вв. см.: [12, с. 498–499]. С современной точки зрения классическая латынь для того времени была языком, существовавшим полтора тысячелетия назад, а «кухонная» латынь – значительно более поздним состоянием того же языка, изменявшегося много медленнее, чем разговорные романские языки, но все же изменявшегося; по-видимому, по сравнению с классической латынью там сменился даже базовый порядок слов. Но для книжников Италии или Франции они лежали в одной временной плоскости, различаясь лишь эстетической ценностью.

В-третьих, все традиции были тесно связаны с практическими задачами, главной из которых было обучение языку культуры; на более поздних этапах развития традиций, когда накопилось достаточное количество не вполне понятных древних текстов, появилась также задача их толкования. Правда, первоначально греческие философы просто рассуждали о том, что их интересовало в языке; но тогда язык культуры мало отличался от разговорного и использовался в основном самими греками. А с эпохи эллинизма, когда традиция по-настоящему сложилась, ее развитие было тесно связано с понятием нормы, как и в других традициях. Все античные грамматики были нормативными, отражая представление о том, как надо правильно писать и говорить. На каком-то этапе (в латинском мире с поздней Античности, см. выше) начался отбор нормативных текстов. Пока язык культуры не слишком отличался от того языка, на котором кто-то говорил, норма могла извлекаться из речевого обихода или конструироваться самим исследователем; здесь могли быть разные взгляды на правомерность тех или иных источников норм: спор аномалистов и аналогистов, имевший параллели и у арабов. Позднее это стало невозможным, но, наряду с образцовыми текстами, источником норм становились сами грамматики, как это было с латинской грамматикой Присциана (начало VI в. н.э.).

Таким образом, античная традиция не представляла собой чего-то из ряда вон выходящего и вполне вписывалась в общую типологию лингвистических традиций. Разумеется, каждая традиция имела те или иные особенности, обусловленные отчасти строем базового языка, отчасти спецификой соответствующей культуры. Санскрит типологически сходен с классическими языками и родственен им, но по культурным причинам индийская традиция очень специфична; арабская традиция, пожалуй, даже более похожа на античную, несмотря на иной строй базового языка.

Разные традиции имели разный уровень развития, хотя здесь их сложно сравнивать: большее развитие по одному параметру могло сопровождаться меньшим развитием по другому. Тем не менее в целом античная и раннесредневековая традиция не была наиболее развитой,

скорее наоборот. Это можно видеть, по крайней мере, в трех пунктах: развитии фонетики, выделении единиц грамматики и составлении словарей. Отчасти это было связано с поставленными задачами.

Фонетике большое внимание уделялось в Индии и мусульманском мире, где надо было сохранять и преподавать каноническое произношение. Поэтому там была создана очень развитая и изощренная фонетика (во многом являвшаяся стихийной фонологией). В Европе обучали, прежде всего, чтению, а целенаправленного обучения произносительной норме не было, поэтому, за отдельными исключениями, не закрепившись в традиции, не пошли дальше разграничения гласных и согласных звуков. Уровень, достигнутый индийцами и арабами, в Европе был превзойден не ранее конца XIX в. В грамматике большинство традиций, кроме античной и китайской, выделяло (помимо предложения) две базовые единицы; у индийцев и арабов это были слово и корень. Однако античные ученые знали лишь одну единицу: слово. Значимые единицы меньшей протяженности, как и единицы, промежуточные между словом и предложением, не выделялись вообще [13, с. 24, 61–62; 14, р. 283]. Например, Аристотель писал: «Имя есть звук, наделенный значением в соответствии с соглашением... никакая отдельная часть которого не наделена значением... Глагол есть [слово], которое обозначает еще и время, никакая часть которого в отдельности не наделена значением» [15, с. 93–94]. И так считали до начала Нового времени, когда анализ усложнился за счет добавления новых единиц – корня и аффикса (с XVI в.; по мнению ряда исследователей [16, с. 187; 17, р. 73], под влиянием семитских традиций); впрочем, в Англии эти понятия утвердились лишь в XIX в. [14, р. 283]. Еще позже, только с конца XIX в., они были обобщены в понятии морфемы (впервые у И. А. Бодуэна де Куртенэ). Наконец, лексикография, очень развитая в других традициях, особенно в китайской и арабской, в европейской традиции долго отставала: составляли словари толкуемых слов в памятниках, ставших непонятными (глоссы), однако идея толкового словаря всего языка сложилась также лишь в Новое время. Единственный параметр, по которому можно констатировать большее развитие европейской традиции уже в античный период, – классификация слов. В Греции и Риме выделялись восемь частей речи, тогда как в Японии – пять, у арабов и индийцев по три, а в Китае лишь две.

Таким образом, до XIII–XIV вв. европейская традиция в обоих своих вариантах не имела превосходства перед другими традициями, а часто им уступала. Однако затем она перешла в несколько этапов на новый уровень развития, на который не смогли самостоятельно перейти другие традиции, что обеспечило условия для превращения первоначально одной из традиций в мировую науку о языке. Можно выделить три выдающихся скачка в развитии, позволивших это сде-

лать. Это не означает того, что другие традиции исчезли или полностью уступили позиции. Бывают даже случаи обратного развития, связанные, конечно, с внелингвистическими причинами. В новых государствах Центральной Азии наблюдается переход от следования русскому варианту европейской традиции к ориентации на арабскую науку о языке, сложившуюся в VIII в.

Если до XIII в. в Европе ограничивались воспроизведением уже существовавшей традиции, то первым оригинальным направлением была школа модистов, существовавшая в рамках схоластической науки; см. о ней: [18]. У них впервые теоретическая наука о языке отделилась от нормативных задач; это был первый скачок в развитии традиции. В какой-то мере это, правда, было возвращением к тому, чем занимались греческие философы классического периода, но к XIII–XIV вв. уже существовала развитая традиция описания и классификации языкового материала, которую нельзя было игнорировать. Этот материал, впрочем, в основном модисты брали у Присциана, однако речь шла о его новой интерпретации. Модисты не ограничивались чистым описанием, они впервые поставили задачу объяснения языковых явлений, тогда еще понимавшегося как философское объяснение. Каждому явлению, зафиксированному в грамматике Присциана, они старались дать философское объяснение, пусть еще наивное. Противопоставление описательной и объяснительной лингвистики сейчас прочно ассоциируется с именем Н. Хомского, но впервые оно появилось именно у модистов. Ряд идей, используемых в современной науке, также восходит к модистам: разграничение грамматической правильности и осмысленности (также задолго до Н. Хомского!), понятие различных миров, используемое в современной семантике, и др. Модисты внесли вклад и в разработку лингвистического описания, прежде всего в области синтаксиса. Ими была начата разработка учения о членах предложения (завершенная П. Раме в XVI в.). Недостатком подхода модистов было сосредоточение все еще на одном – латинском языке, поэтому соответствие между фактом языка и его философским эквивалентом понималось как взаимно однозначное. Например, модисты пытались философски интерпретировать латинский род неодушевленных существительных.

Новый этап развития европейской традиции начался в XV–XVI вв. (в разных странах несколько в разное время) и достиг расцвета в XVII в. Он характеризовался тем, что, помимо латыни, в поле зрения исследователей вошли многие другие языки. Это привело ко второму скачку в развитии традиции.

Расширение исследовательской базы было обусловлено несколькими причинами. Завершение феодальной раздробленности и становление национальных государств привели к развитию в каждом из них

национальных языков, формировавшихся на разговорной основе. При этом в Европе не было господствующего государства, и ни один язык после латыни не мог восприниматься как универсальный язык общения; роль же латыни постепенно стала уменьшаться. В эпоху гуманизма вспомнили о существовании еще двух великих языков: древнегреческого и древнееврейского, началось их изучение. В этот же период расширились торговые связи Европы с другим миром, и началась европейская колониальная экспансия, впервые пришлось столкнуться с языками, часто совершенно не похожими на европейские, а задача распространения христианства требовала перевода на эти языки Библии, что заставляло их изучать. Появляются, во-первых, грамматики новых европейских языков, во-вторых, грамматики древнегреческого и древнееврейского языков, в-третьих, так называемые миссионерские грамматики.

Отсюда произошли изменения в представлении о языке. Ушла в прошлое идея о латинском языке как единственном «настоящем». Оказалось, что языков много, и они более или менее равноправны (впрочем, идея о превосходстве «нашего» языка над другими высказывалась и позже, проявляясь даже в Грамматике Пор-Рояля, но «наш» язык в каждом государстве оказывался разным, и не было общеевропейского представления об этом). Появилось ранее отсутствовавшее понятие иностранного языка. Еще важнее было формирование представления о том, что языки можно сравнивать, появляются сравнительные (пока еще не сравнительно-исторические) грамматики. Наконец, признание существования многих языков впервые ставило вопрос о разграничении общих свойств языка и особенностей конкретных языков.

Этот вопрос оказался в центре внимания самого значительного с теоретической точки зрения труда данной эпохи – Грамматики Пор-Рояля (1660, Франция). В ней сопоставляются известные авторам (А. Арно и К. Лансло) языки: латинский, древнегреческий, древнееврейский, французский, итальянский, испанский. Иногда упоминаются еще «северные» (германские) и «восточные» (видимо, турецкий) языки. Авторы грамматики исходили из существования общей логической основы языков, от которой конкретные языки в той или иной степени отклоняются. О такой основе говорили еще модисты, но теперь уже эта основа не совпадает ни с одним из существующих языков. Недаром Н. Хомский находил в этой грамматике прообраз разграничения глубинных и поверхностных структур.

Однако в Грамматике Пор-Рояля еще нет представления об историческом развитии языков, она чисто синхронна (что отмечал и Ф. де Соссюр [19, с. 115]) и лишена какой-либо временной перспективы. Современные романские и классические языки здесь стоят в одном

ряду. Третий скачок в развитии европейской традиции произошел уже в XVIII в., когда постепенно начала формироваться идея историзма. Характерно обращение к перед этим надолго забытой проблеме происхождения языка, популярной в этом веке больше, чем когда-либо до и после того. Другая центральная проблема – движение от «первобытных» к современным языкам; значительный материал об этом см. в работе: [20]. Исторический подход еще был умозрительным и не опирался на анализ материала, считали, например, что «упадок языка может свидетельствовать об упадке общества. Напротив, наиболее процветающие общества имеют сверхразвитые, богатые языки» [20, с. 29]. Однако это уже был существенный шаг вперед.

Постепенно формировалась и идея языкового родства и языковых семей. Уже А. Л. Шлёцер в «Русской грамматике» (1763–1764) писал о регулярности звуковых соответствий как признаке родства языков. Весь XVIII в. сравнительно-исторический метод, по выражению В. Томсена, «вital в воздухе». Но нужен был некоторый толчок, который стал бы отправной точкой для кристаллизации метода. Таким толчком стал знаменитый доклад У. Джонса о санскрите (1786). Он не был открытием этого языка в Европе, как иногда пишут (эту ошибку совершил и автор данной статьи (см.: [5, с. 54])). Санскрит в Европе был тогда известен уже полтора столетия, но о его сходстве с европейскими языками не догадывались: звуковое тождество встречалось редко, а регулярные соответствия замечать не умели [20, с. 267]. Но У. Джонс продемонстрировал эти соответствия в значительном количестве, что сразу по-новому поставило вопрос о родстве языков. Уже через тридцать лет сформировалось сравнительно-историческое языкознание, а весь XIX век в языкознании прошел под знаком историзма.

Таким образом, европейская традиция в течение нескольких столетий взяла высоты, которые не взяли (или взяли уже под европейским влиянием) другие традиции. Попутно преодолевались и упоминавшиеся выше недостатки в традиционной проблематике: понятия корня и аффикса сложились в XVI в., в том же и в следующем веке для большинства европейских языков появились словари (в том числе сложился и отсутствовавший в других традициях их тип – двуязычный словарь). Фонетика развивалась медленнее, но потом и это отставание было преодолено. Превращение европейской традиции в мировую науку, разумеется, имело и вненаучные причины, но, думается, роль сыграли и указанные ее свойства.

Литература

1. Sebeok T. A. (ed.) *Current Trends in Linguistics*. Vol. 13: *Historiography of linguistics*. The Hague; Paris: Mouton; 1975.

2. Десницкая А., Кацнельсон С. (ред.) *История лингвистических учений. Древний мир*. Л.: Наука; 1980.
3. Десницкая А., Кацнельсон С. (ред.) *История лингвистических учений. Средневековый Восток*. Л.: Наука; 1981.
4. Алпатов В. М. О сопоставительном изучении лингвистических традиций (К постановке проблемы). *Вопросы языкознания*. 1990;(2):13–25.
5. Алпатов В. М. *История лингвистических учений*. 4-е изд. М.: Языки славянской культуры; 2005.
6. Шор Р. О. *Язык и общество*. 3-е изд. М.: Ленанд; 2009.
7. Мейе А. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во; 1938.
8. Robins R. H. *Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe with Particular Reference to Modern Linguistic Doctrine*. London: Bell; 1951.
9. Robins R. H. *A Short History of Linguistics*. Bloomington; London; 1968.
10. Катенина Т. Е., Рудой В. И. Лингвистические знания в Древней Индии. В: Десницкая А., Кацнельсон С. (ред.) *История лингвистических учений. Древний мир*. Л.: Наука; 1980. С. 66–91.
11. Тронский И. М. *Очерки из истории латинского языка*. М.; Л.: АН СССР; 1953.
12. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. В: Бахтин М. М. *Собрание сочинений*. Т. 4 (2). М.: Языки славянской культуры; 2010.
13. Фрейденберг О. М. (ред.). *Античные теории языка и стиля*. М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз; 1936.
14. Matthews P. H. What Can We Conclude? In: Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (ed.) *Word. A Cross-Linguistic Typology*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. P. 281–295.
15. Аристотель. *Сочинения*. Т. 2. М.: Мысль; 1978.
16. Блумфилд Л. *Язык*. М.: Прогресс; 1968.
17. Matthews P. H. *Morphology*. London; New York: Cambridge University Press; 1974.
18. Перельмутер И. А. Грамматическое учение модистов. В: Десницкая А. В. (ред.) *История лингвистических учений. Позднее Средневековье*. СПб.: Наука; 1991. С. 7–66.
19. Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс; 1977.
20. Пастернак Е. Л. *Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук*. М.; 2011.

References

1. Sebeok T. A. (ed.) *Current Trends in Linguistics*. Vol. 13: Historiography of linguistics. The Hague; Paris: Mouton; 1975.

2. Desnitskaya A. Katsnelson S. (ed.) *History of linguistic doctrines and teachings. The Ancient World*. Leningrad: Nauka; 1980. (In Russ.)
3. Desnitskaya A. Katsnelson S. (ed.) *History of linguistic doctrines and teachings. Eastern Countries. The Middle Ages*. Leningrad: Nauka; 1981. (In Russ.)
4. Alpatov V. M. Towards the comparative study of linguistic traditions (stating the problem). *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the study of language*. 1990;(2):13–25. (In Russ.)
5. Alpatov V. M. *History of linguistic doctrines and teachings*. 4th ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury; 2005. (In Russ.)
6. Shor R. O. *Language and Society*. 3rd ed. Moscow: Lenand; 2009. (In Russ.)
7. Meie A. *A Comparative study of Indo-European languages. AN Introduction*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo; 1938. (In Russ.)
8. Robins R. H. *Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe with Particular Reference to Modern Linguistic Doctrine*. London: Bell; 1951.
9. Robins R. H. *A Short History of Linguistics*. Bloomington; London; 1968.
10. Katenina T. E., Rudoi V. I. History of linguistic doctrines in Ancient India. In: Desnitskaya A. Katsnelson S. (ed.) *History of linguistic doctrines and teachings. The Ancient World*. Leningrad: Nauka; 1980, pp. 66–91. (In Russ.)
11. Tronskii I. M. *Essays on the history of the Latin language*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1953. (In Russ.)
12. Bakhtin M. M. The oeuvres by Francois Rabelais and the popular culture in Renaissance and Middle Ages. In: Bakhtin M. M. *Collected Works*. Vol. 4 (2). Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury; 2010. (In Russ.)
13. Freidenberg O. M. (ed.). *Ancient theories of the language and literary style*. Moscow; Leningrad: OGIZ, Sotsekgiz; 1936. (In Russ.)
14. Matthews P. H. What Can We Conclude? In: Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (ed.) *Word. A Cross-Linguistic Typology*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003, pp. 281–295.
15. Aristotle. *Collected Works*. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1978. (In Russ.)
16. Blumfeld L. *The Language*. Moscow: Progress; 1968. (In Russ.)
17. Matthews P. H. *Morphology*. London; New York: Cambridge University Press; 1974.
18. Perelmuter I. A. The Modistae linguistic doctrines and teachings. In: Desnitskaya A. V. (ed.) *History of linguistic doctrines and teachings. The Late Middle Ages*. St Petersburg: Nauka; 1991, pp. 7–66. (In Russ.)
19. Saussure F. de. *Works on the history of language*. Moscow: Progress; 1977. (In Russ.)
20. Pasternak E. L. *The genesis of main directions in the French linguistic research in the 18th cent. Habil. Thesis (linguistic studies)*. Moscow; 2011. (In Russ.)

Информация об авторе

Алпатов Владимир Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Vladimir M. Alpatov, Dr. Sci. (Philol.), Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof., Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia, Head of the Research Center for National-Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 ноября 2019 г.
Одобрена рецензентами: 17 ноября 2019 г.
Принята к публикации: 22 ноября 2019 г.

Article info

Received: November 4, 2019
Reviewed: November 17, 2019
Accepted: November 22, 2019